

В конце января по всей стране отмечалась 75-я годовщина окончательного снятия блокады Ленинграда в начале 1944 года. Это и 75-я година со дня смерти моего деда по отцу Петра Ивановича Стариченкова, погибшего от осколочных ранений на подступах к Ленинграду в самом начале этой наступательной операции при штурме сильно укрепленной дотами и дзотами немецкой позиции. Дед так ни разу и не сумел встретиться с семьей после мобилизации летом 1941 года. Похоронен он в Красном Селе в братской могиле, над ним — мемориальный памятник, который мы, его потомки, посещаем...

Мой отец, Игорь Петрович Стариченков — «блокадник», имеет удостоверение «Жителя блокадного Ленинграда». В связи с памятной датой он достал из почтового ящика письмо за подписью Президента РФ с поздравлениями, получил выпущенный по этому случаю Памятный знак, был приглашен на памятные мероприятия в социальную службу, в администрацию города. Речи, выступления артистов, накрытые столы для ветеранов, подарки. Санкт-Петербург обещает из своего бюджета всем «блокадникам» страны выделить денежные суммы. Страна, народ помнят о трагическо-героической эпопее.

У нас в семье об этом тоже своя память.

За два года до смерти бабушка моя — Антонина Павловна Стариченкова, в девичестве Киселёва, баба Тося — прислала своему сыну по его просьбе письмо с воспоминаниями об их жизни в блокаду в Ленинграде. «Игорек, ты просил, я, как сумела, тебе написала, чтобы вы и мои внучата знали. Целую, мама. 25.04.1975, 5 часов утра».

Это письмо хранится у нас дома, вот выдержки из него.

«Летом 1941 года я с ребятами уехала в деревню отдыхать, но только началась война, вернулась в Ленинград. Когда приехали на Университетскую набережную, где мы жили в доме Академии наук, увидела на полу брошенные клочки бумаги: видимо, Петя, мой муж, уходя в военкомат, пытался написать мне письмо, да так и не смог — начинал несколько раз и бросал. Я, конечно, не выдержала, дала волю слезам, наревелась вдоволь, прижав к себе детишек.

Вскоре из военкомата сообщили, что детей будут эвакуировать из Ленинграда, но без родителей. Тогда я отказалась. Через несколько дней пришел ко мне мой дорогой братик Боря, говорит, что их завод эвакуирует детей, мол, давай и ты своих Ольгу с Игорем вместе с нашими ребятами отправляй.

Сколько переживаний, слез, хлопот, тяжелых предчувствий было. Проводили мы своих ребят. Вернулась я домой, места себе не нахожу, все думаю: «Зачем людей послушала, таких малышней одних отправила». Ведь тогда им было 6 (отцу) и 3 года (его сесте, моей тётке Ольге Петровне — А. С.).

Потянулись дни. Где-то через неделю утром прибегает ко мне Борис, кричит: «Антонина, срочно собирайся, поедете сейчас с Валентиной за ребятами! Эшелон с детьми Кировского и нашего Ждановского заводов немцы бомбили с самолета, нескольких вагонов нет. Срочно отправляют

матерей распознавать своих детей. Вы должны ехать тоже». У меня так и подкосились ноги... Боря तोпила, я набросила халат (был еще теплый сентябрь), схватила старый батон с собой и немного денег, так без пальто и выбежала. Валюта ждала нас на вокзале, тоже раздетая.

Несколько суток мы добирались до Кирова (Вятки. — А. С.). Навстречу шли эшелоны с красноармейцами и военной техникой. На вокзале Кирова было уже столько детей с матерями, что яблоку негде было упасть, а новые эшелоны с эвакуиру-емымигвсе подходят и подходят.

Через несколько суток дождалась и мы своего поезда. Останавливаются тихо вагоны, на которых написано: «Завод Жданова» и «Кировский завод». В связи с карантином на станции из вагонов никого не выпускают. Но нас ничего удержать не могло, бросились мы к составу, побежали вдоль него, кричим. В окошко выглянули Ленья и Игорьек, а девочки испугались. Игорек стал говорить: «Мама, папа пришел с войны?» — и — о, ужас! — так он это трудно выговаривал, сильно заикаясь. Мы с Валею переглянулись. Забрались в тамбур, в вагон нас не пустили. Вскоре поезд вновь тронулся. То, что мы увидели внутри, нас потрясло: люди, которым доверили детей, оказались совершенно безответственными, уделяли внимание только своим, остальные же ребятишки были совершенно неухоженные. Их горшочки стояли полные, они приходили и сажались прямо в эту грязь. Платишки на груди у малышек ломались корками — так сильно были запачканы. Половина детей заикались. Когда эшелон бомбили, первые четыре вагона с детьми погибли полностью, а у наших там была только одежда. То, что было на ребятишках надето, то и осталось. Мы решили возвращаться обратно: все были раздетые, становилось холодно, документов и денег у нас не было. Правдами и неправдами напросились мы в поезд, следующий до Ленинграда. Нашлись добрые люди, спрятали нас в углу вагона. В ожидании, когда тронется поезд, все молчали, ребятишки заснули. Я плакала, глядя на Игорька и Оленьку. Несчастье постигло моего Игорька — он очень заикался, а я сама совершенно потеряла голос на нервной почве...

Еще много дней мы с разными приключениями добирались домой — холодные и голодные. Однажды я решила попросить милостыню, может, кто даст кусочек хлеба для ребят. Но люди смотрели на меня на станции и отходили, так я ничего и не получила.

Ленинград встретил нас сиреной, мы сразу попали в бомбоубежище.

В сентябре в городе стало очень тяжело, немцы часто делали воздушные налеты. Помню, однажды моя Оленька, как начала завывать сирена, спряталась у стенки за окном, всплеснула ручками и причитает: «Ой, Боже, Боже, как страшно зивется!», потом схватила пальтишко, шапчонку и свою маленькую обезьяну, кричит мне: «Пойдем скорее в газу-беду (газубежище)». Тревоги стали так часты, что ребята уже попривыкли, стали сами уходить в подвал. Я получила по карточкам две плитки шоколада на ребятишек и во время бомбежек давала им по маленькой дольке, так что они даже с удовольствием бежали в убежище. А мы, взрослые, оставались во дворе, чтобы тушить зажигательные бомбы.

В октябре я стала работать телефонисткой на коммутаторе фабрики «Веретено». Первое время ходила еще пешком на работу с Васильевского острова. Однажды фашистский самолет сбросил бомбу рядом с нашей фабрикой, на «Треугольник», взрывной волной выбило окна, вышибло двери, меня оглушило, и я потеряла сознание... Но зимой на работу ходить стало совсем страшно, от недоедания людей оставляли последние силы. Начали эвакуировать людей с пригородов, из Лигова ко мне на квартиру переехали тетя Маня и дядя Яша, родственники по мужу, а также моя двоюродная сестра Нюра со своим новорожденным ребеночком. Тетя Маня была парализована, волочила одну ногу, а дядя Яша еще ходил на завод.

Первая военная зима в Ленинграде была суровая, морозы не пощадил людей. Нечего было есть, нечем было топить нашу печурку. За водой

ходили к проруби на Неву. К Ленинграду подошли немцы, образовалось кольцо, началась блокада. Норму хлеба стали урезать, и я на свою семью получила 450 граммов. Холод и голод надвинулись на нас. Я свою долю отдавала детишкам, сама больше на воде была — стали пухнуть ноги. Дядя Яша не мог уже ходить на завод, лежал на кровати не в силах подняться. Не знаю почему, но я взяла на себя обязанность делить хлеб, чтобы сразу все не съедали. Ели утром и вечером.

Помню, собрались однажды в магазин за хлебом, вышли на лестницу, а там четыре покойника лежат. У одной женщины валенки были, так соседка говорит: «Нашей тете Мане надеть нечего, я сниму валенки с покойницы». Стащили с Нюрой валенки, отнесли тете Мане.

За хлебом через Неву на Невский мы всегда ходили втроем, держась друг за друга: я, Нюра и соседка Дуся. Хлеб и карточки надо было прятать, а то находились такие, кто отнимал все это на мосту. Город был словно вымерший, жутко было смотреть, как одинокий человек шел и вдруг начинал опускаться на колени, тут же умирал с открытыми глазами. А хлеб был такой, что его и назвать-то так нельзя: черный, сырой, из бумаги да дуранды сделанный.

Придя, обмороженные, домой, топили буржуйку, разогревали воду, замерзшую в лед в ведре. Вместо дров шли игрушки, книги, остатки мебели. Ребятишки мои уже не бегали в бомбоубежище, худенькие, бледные, лежали они на диване, слабо попискивая, просили есть. Хлеба тогда давали по 125 граммов, мы только и жили надеждами на прибавку нормы.

Как-то раз на четвереньках пришел Борис Павлович со своего завода, принес моим ребятам кусочек хлебца. Сказал, что его Борю, Верочку (сына и жену) и тещу разбомбило, фугасная бомба попала прямо в дом, все погибли. С таким вот большим горем и дотащился навестить нас. Смотреть на него сейчас было жутко. Правда, и нас он нашел почти мертвецами. На его горе почти никто не обратил внимания — не сегодня-завтра такая участь могла постигнуть каждого. Я проводила Борю молча по набережной, сама потом зашла в магазин, получила по карточкам 5 яиц. Только вышла на улицу — неожиданно артобстрел. Кто-то кричит: «Ложись быстро на землю!» — сторона эта была опасная. Я упала, смотрю только, яйца разбились, потекли из сеточки. Мне так их было жаль, что я, лежа на земле, ртом все битые яички и съела. Вспомнила про голодных ребят и заплакала. А дома, когда доплелась, дядя Яша говорит мне: «Антонина, если вы мне не принесете кошку, я съем вашу Олю». На меня такой страх напал: понимаю, что дядя Яша с кровати уже не встанет, а все равно заснуть не могу.

Мы ночевали на одном диване, прижавшись друг к другу: Нюра с малышом, Дуся и я с ребятами. Дверь нашей комнаты была напротив входной двери, разделял их только узенький коридорчик. Вдруг послышалось мне, что зашел кто-то в комнату к нам, таким холодом с улицы потянуло. Повернула голову и вижу: посреди комнаты стоит скелет с косой в черном одеянии. Я закричала, разбудила всех, стала рассказывать. Меня успокаивали, но уже никто из женщин после заснуть не мог. Так и пролежали до рассвета, пока радио не затихало.

Утром опять пошли в булочную на Невский. Снег скрипел под ногами, мороз был страшный. Люди в очереди стоят с дикими лицами, закутаны во что попало, некоторые, получив паек, тут же его у прилавка и съедают. Мы все принесли домой. Дуся сходила после с бидоном на Неву за водой. Мы с Нюрой разломали стул, затопили печь, стали разогревать воду. Когда поднесли дяде Яше его порцию горячей водички и хлебца, он глядит на меня и не берет. Я ничего понять не могу, говорю тете Мане: «Дядя Яша, наверное, умер. Молчит и не дышит». Женщины подошли, потрогали, а он уже застывший лежит. Тетя Маня стояла недвижима, не плача и не говоря ни слова. Нюра взяла своего младенца и вдруг как закричит: «Володя тоже умер!» На всех нашло какое-то оцепенение, ни-

кто не плакал. Мои дети еще слаби, мы с Дусей встали у кровати дяди Яши, заслоняя его от детей, и стали завертывать покойника в простынь, чтобы отнести в ванную. Сил поднять его у нас не было, поэтому мы стащили труп на пол и поволокли, потом положили малышку рядом с ним. А на кровати, где лежал покойник, мы обнаружили несметное количество вшей. Стали срочно производить дезинфекцию, чтобы ребятишки не подцепили эту гадость. Потом помянули усопших их оставшейся долей хлеба.

В этот же день умерла соседка Мария Львовна, работавшая раньше в консерватории, и еще двое других соседей. Вернулся с работы муж Марии Львовны, раненный в голову осколком. Мы были в затруднительном положении, как ему сообщить о смерти жены. Дали ему водички и маленький кусочек хлеба помянуть наших покойников. Потом сказали и про Марию Львовну. Тут он молча встал, попросил меня пройти с ним в их комнату. Вошли, бросился он к покойнице на грудь и так зарыдал... Я не видела больше никогда» чтобы так мужчина плакал. Потом попросил нас помыть усопшей лицо и руки, одеть на нее платье. Мы исполнили его желание. Когда через некоторое время зашли опять, он лежал на крышке пианино мертвый.

В душе нашей все выстыло — за одну ночь столько покойников!..

В феврале с передовой вернулся мой старший брат, служивший в войсках НКВД. Я к тому времени была похожа на 90-летнюю старуху, одни кости и кожа. Ноги почти не двигались, совершенно атрофировались. Витя решил вывезти нас из блокадного Ленинграда вместе с матерью его жены через Ладогу по действующей «Дороге жизни», поняв, что иначе мы погибнем.

Когда шли на Финляндский вокзал, с которого отправлялись автобусы, навстречу попала только одна женщина, тащившая на доске завернутого покойника. Ленинград был сам мертвый, занесенный снегом, стоял сильный мороз. Тронулись в путь через Ладожское озеро на Борисову гриву, где ждали поезда. Окна автобуса были замерзшие. Фашисты не зевали, делали частые налеты, зная, что идет эвакуация. Начали бомбить и нас. Не знаю, что там было впереди, только раздались вдруг раздирающий душу вопль и крики детей, женщин. Потом наш автобус сильно толкнуло, все попадали, кувыряясь, началась суматоха. Я подумала, что мы провалились под лед, но шофер начал нас успокаивать, просил немного потерпеть. Оказывается, шедший впереди автобус ушел под воду в образовавшуюся от взрыва полынью, а наш водитель успел отвернуть в сторону, ближе к берегу, где стояли пустые эшелоны, но автобус перевернулся. Шофер побежал за бойцами, встречавшими машины с людьми и помогавшими рассаживать всех по вагонам. Те подняли наш автобус, освободили дверь, помогли выбраться. Детей и стариков, узелки и поклажу красноармейцы по глубокому снегу выносили к поезду на руках. Вагоны были холодными, но я уже радовалась, что мы теперь хотя бы под крышей.

С этого момента начались наши дальнейшие военные скитания: Пятигорск, Урал...»

* * *

«Поздравляю вас с праздником 1 Мая и 30-й годовщиной Победы», — писала нам баба Тося, заканчивая майским утром 1975 года это длинное письмо. «Желаю многих лет жизни и чтоб снова не было войны».

Её — большой войны — нет уже почти три четверти века. Но празднование нами уже 75-й годовщины Победы совсем не гарантирует нас от повторения трагедии Блокады. Как поет один современный исполнитель своих песен: «Под сенью ракет обретается Рай». И если мы не хотим сдаваться, то должны хранить память о героизме предков и быть готовыми защищать свой Русский мир.